САД МЕРТВЫХ РОЗ

Джулия Шнелер

Сад мёртвых роз

«Автор»
2026

Шнелер Д.

Сад мёртвых роз / Д. Шнелер — «Автор», 2026

Титул — аннулирован. Фамилия — утрачена. Жених — сбежал. Казалось бы, дно...Но когда тебя лишают всего, остаётся только одно — найти того, у кого есть всё. Например, Джестера Уолша — невыносимого менталиста, начальника отдела по борьбе с магической преступностью и, по совместительству, её ..... мужа.Им предстоит выяснить, кто на самом деле подставил Эстер с 7-м уровнем проклятия. Потому что в этой игре пешки часто становятся королями

© Шнелер Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Джулия Шнелер
Сад мёртвых роз

Глава 1

Глава 1

Тьма под повязкой не была абсолютной. Для Эстер Виллоу, чей мир всегда состоял из оттенков, текстур и течений, эта темнота была густой, пахнущей влажной шерстью, застарелым потом и холодным железом. Её вели по коридору, и она знала каждый шаг, не видя его. Скрежет ключей по металлу — поворот налево. Два шага вниз — значит, спустились на уровень изоляции для магов. Запах сырой извести и дешёвого щелочного мыла — они прошли мимо прачечной. Её руки, сведённые за спиной, онемели в грубых кандалах. На запястьях пульсировала боль от наручников, на глазах — давящая, лишённая света ткань.

— Говорят, она взглядом убивает, — пропыхтел один из конвоиров, молодой стражник. Его голос дрожал от смеси страха и дешёвого любопытства. — Прямо на месте. Выжигает глаза.

— Заткнись, — буркнул второй, ветеран с пропитым голосом. — Если бы она убивала взглядом, мы бы с тобой, идиот, уже были бы двумя красивыми барельефами на этой стене. Ей просто завязали глаза. По протоколу. Для особо опасных.

— А она опасная? — в голосе молодого слышалось почти детское благоговение.

— Она дура, — отрезал ветеран. — Которая, не смогла спасти человека. А это, поверь, опаснее любого дракона.

Девушка. Память ударила под дых, вышибая воздух. Не образ. Ощущение. Холодный, липкий пот на лбу. Тяжёлое, клокочущее дыхание девушки. И запах. Сладковатый, приторный запах свежей, яркой крови и безнадёжности.

Они остановились. Скрипнула тяжёлая дверь. Эстер втолкнули внутрь. Воздух здесь был другим — спёртым, наэлектризованным, пахнущим застарелым табачным дымом и чужим, хищным нетерпением. Её усадили на жёсткий металлический стул. Руки грубо щёлкнули, пристёгивая их к подлокотникам. Холод металла коснулся обнажённых запястий.

— Сидеть тихо, — бросил ветеран. — К вам… начальник.

Щелчок замка. Звук удаляющихся шагов. И снова тишина. Но теперь в ней был кто-то ещё. Эстер чувствовала его. Как чувствуют приближение грозы. Давление. Жар. Стихия, запертая в человеческом теле. Огонь. Он не двигался, просто стоял где-то в тени, и от этого было в сто раз страшнее.

— Мисс Виллоу, — голос был бархатным, с лёгкой, почти незаметной хрипотцой. Он не кричал. Он заполнил собой всё пространство комнаты. — Эстер. Какое… земное имя. Говорят, вы лучшая. Золотая медаль Академии. Лучший целитель, к которому стояла очередь из знати. А теперь вот. Серые стены. Кровавый халат. Не идёт. Совсем не идёт.

Он сделал шаг из тени. Эстер не видела, но слышала. По-другому скрипнул пол. Изменился рисунок дыхания.

— Меня зовут Джестер Уолш. Начальник отдела по борьбе с магической преступностью, инквизитор ведомства. И, по совместительству, тот, кто сегодня будет копаться в вашей голове. Вам ведь уже объяснили процедуру ментального зондирования? Говорят, это неприятно. Особенно когда тебе есть что скрывать.

Он лгал. Не в словах — в интонации. Он не собирался делать ей неприятно. Он играл. Как кот с мышью. Эстер сжала челюсти. Она не доставит ему этого удовольствия.

— Копайтесь, — голос был хриплым карканьем. — Смотрите. Убедитесь, что я виновна. Как все.

— О, я не собираюсь смотреть на то, как вы виновны, — он обошёл её, встав за спиной. Его присутствие за спиной было физически ощутимым, как жар от открытой печи. — Это скучно. Я посмотрю, как вы старались.

Его пальцы коснулись её виска. Они были горячими. Слишком горячими. По нервам ударило не болью, а чужим, властным вторжением. Мир исчез.

…Тесная комната, пахнущая нищетой, сырой штукатуркой и железом. На кухонном столе, застеленном грубой холстиной, лежит девушка, лет двадцати. Она — изрезанный свиток. Десятки мелких, аккуратных, почти ритуальных порезов. И из них бьёт, пульсирует ярко-алая, живая кровь. Слишком яркая для этого серого, мёртвого мира. Она не сочится — она хлещет, заливая холстину, стол, руки Эстер. Она пахнет не медью, а чистым, концентрированным ужасом.

Эстер, как загнанный зверь. Она стоит на коленях, её руки по локоть в этом невозможном, кричащем алом цвете. Она беззвучно кричит, пытаясь влить потоки жизни, но её собственная магия вязнет, как в кипятке.

В её голове — холодный, отстранённый, хирургический анализ, от которого Джестеру становится физически больно:

«Ритуальные надрезы. "Серые Розы". Седьмой уровень. Проклятие выжигает вены изнутри, оно заставляет кровь кипеть и искать выход. Она не сворачивается. Сосуды лопнули. Печень отказала. Она была мертва в ту секунду, когда проклятие коснулось её ауры. Они принесли мне не пациента. Они принесли мне живой факел и обвинили в том, что он сгорел».

А потом — удар. Пощёчина. Лицо отца девушки искажено не горем, а брезгливой яростью. И стоящие позади него люди, много людей...

— Ведьма! Ты смотрела, как она умирает, и ничего не сделала!

Джестер выходит из её разума. Он отшатывается, словно его ударили в грудь. Он видел достаточно. Он видел, как она стояла по колено в чужой жизни, пытаясь заткнуть пальцами пробоину в плотине.

Он медленно отстраняется. Подходит к обвинителю, который всё ещё жмётся в углу. Смотрит на него сверху вниз.

— Вызывай палачей, Барни, — голос Джестера абсолютно ровный, лишён всякого пафоса. — Но не для неё. А для себя.

— Но… протокол… Его Высочество…

— Его Высочество, — Джестер чеканит каждое слово, — получит от меня рапорт о том, что ты, идиот, чуть не обвинил в государственной измене лучшего целителя, пытаясь замять дело о проклятии седьмого уровня. А теперь пошёл вон. И начальника стражи забери. Проснётся — скажешь, что у него выходной.

Обвинитель и стражник испаряются, как их и не было.

Джестер подошёл к ней, достал из кармана брюк белоснежный шёлковый платок и, не говоря ни слова, начал аккуратно, почти нежно стирать засохшую, бурую кровь с её руки, с места не тронутого кандалами.

— У тебя кровь под ногтями, Эстер, — тихо говорит он. — Это очень непрофессионально для хирурга.

Глава 2

Глава 2

Дверь кабинета Джестера Уолша захлопнулась, отсекая тюремный сквозняк и запах серой мглы. Здесь пахло иначе: дорогим табаком, старым пергаментом и чем-то неуловимо пряным, похожим на кардамон. Эстер стояла посреди комнаты, не снимая с плеч его кожаный плащ. Ткань всё ещё хранила жар его тела, и это было единственное тепло в её мире.

Джестер молча прошёл к столу. Не было ни суеты, ни лишних слов. Он просто делал то, что умел — восстанавливал порядок. Щелчок пальцев — в камине вспыхнул ровный, тёплый огонь, не обжигающий, а греющий. Ещё один жест — из угла, из-за кадки с фикусом, к ним по воздуху приплыли два тяжёлых кресла. Фикус, кажется, благодарно качнул листьями.

Он налил в две грубые глиняные кружки тёмный, почти чёрный чай. От напитка шёл густой пар с ароматом бергамота и чего-то медицинского, успокаивающего. Одну кружку он поставил на подлокотник её кресла.

— Пей. Это не яд. По крайней мере, не для тебя.

Эстер не пошевелилась. Она сидела, выпрямив спину, сложив руки на коленях, и смотрела в одну точку — на трещину в каменной кладке над камином. Прошло, наверное, минут пять. Джестер не торопил. Он просто пил свой чай и смотрел на неё поверх края кружки. Он видел такое лицо раньше. На допросах у тех, кто только что узнал о смерти всей своей семьи. Полное, абсолютное оцепенение.

— Они прислали письмо, — голос Эстер прозвучал так тихо, что Джестер скорее прочитал по губам, чем услышал. — Пока я была там. Под повязкой. Брат принёс его лично. Эриот. Он не смотрел мне в глаза.

Она сделала паузу. Сделала маленький, механический глоток чая. Рука, держащая кружку, едва заметно дрожала.

— Отец лишил меня титула. Формально. Подписал отречение. Теперь я не Виллоу. Я никто. Просто Эстер. — Она произнесла своё имя с какой-то странной, горькой интонацией, пробуя его на вкус. — Фамилии больше нет. Отец выгнал из дома.

Джестер слушал. Его лицо было непроницаемой маской, но глаза... глаза тлели, как угли. Он ненавидел бумажную волокиту, но понимал её убойную силу лучше, чем кто-либо.

— Жених? — спросил он ровно. Его голос прорезал тишину, как нож.

Эстер впервые за всё время едва заметно дёрнула уголком губ. Это не было улыбкой. Это был оскал.

— Клод Ниссий. Напыщенный индюк. Его больше заботила потеря связей с домом Виллоу, чем моя голова на плахе. Он прислал секунданта с письмом о расторжении помолвки. Написал что-то о «несоответствии чести дома». — Она сделала ещё один глоток, уже более уверенный. Чай, видимо, начал действовать. — Не жалею. Отец навязывал его. Статус, деньги, земли. Идеальная партия. Я бы всё равно сбежала от него в первую же неделю. Скорее всего, с конюхом.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая только треском поленьев. Джестер смотрел на девушку, которая только что потеряла всё — имя, семью, будущее, статус — и шутит про конюхов. В этом было что-то пугающе здоровое. Или пугающе сломленное.

Она допила чай. Поставила пустую кружку на столик. Звук получился неожиданно громким.

— Мне некуда идти, Джестер, — сказала она, и вот теперь в её голосе не было ни стали, ни иронии. Только ровная, серая пустота. — Фамилии больше нет. Отец выгнал из дома. У меня нет денег, нет документов, кроме свидетельства об отречении. Я теперь официально никто. Пустое место.

Она подняла на него глаза. В полумраке кабинета, освещённого только камином, её лицо казалось высеченным из мрамора.

— Ты вытащил меня из петли. И куда ты теперь денешь труп, который не имеет даже имени?

Она не просила о помощи. Она просто констатировала факт своей ненужности, перекладывая эту логистическую проблему на него. И именно эта холодная констатация сработала лучше любой мольбы.

Джестер медленно допил свой чай. Отодвинул кружку. Встал. Подошёл к своему столу, выдвинул тяжёлый ящик, набитый свитками, и достал оттуда чистый лист пергамента, чернильницу и перо.

— Трупы с именем, Эстер, требуют пышных похорон и расследования, — сказал он, обмакивая перо. — А безымянные тела имеют свойство исчезать. Садись ближе. У меня плохой почерк, а нам нужно составить тебе новую биографию до рассвета.

Он придвинул к ней пергамент. На белой поверхности уже проступали первые буквы: «В отдел регистрации гражданского состояния...»

Эстер склонилась над столом, чувствуя, как пергамент холодит пальцы. Джестер отложил перо и посмотрел на неё — не как шут на госпожу, а как игрок на карту, которую только что перевернул.

— Есть способ лучше, — произнёс он тихо, почти вкрадчиво. — Брак. Фиктивный, разумеется. Ты получишь мою фамилию, мой статус, мой дом и мои деньги. Всё, что потеряла сегодня ночью. А я... — он усмехнулся уголком губ, — получу то, ради чего совет годами держит меня на привязи. Одобрение короля. На экспедицию в Иллирийскую империю. За Печатями Семи. Корона не даёт разрешения холостяку пересекать границу — слишком опасно, слишком политически взрывоопасно, слишком велик риск, что Иллирия обвинит нас в шпионаже или я не вернусь обратно. А женатому мужчине, главе дома, будущему отцу наследника — доверяют. Им нужен муж, а не одиночка. Через тебя я стану... послом. — Он наклонился ближе, голос стал почти шёпотом. — Ты получишь имя и защиту. Я получу доступ к печатям, которые держат равновесие между нашими государствами. И когда я вернусь с ними — корона сделает меня Верховным Инквизитором. Первое кресло в совете. Место, которое пустует уже десять лет.

Он снова взял перо, но не продолжил писать. Ждал. На пергаменте, между аккуратных строк, зияла пустота — место для её подписи, если она откажется. Или для его честолюбия, которое наконец-то может служить чему-то большему.

Глава 3

Глава 3

— Согласна, — слово упало в тишину кабинета тяжелее, чем камень в колодец.

Джестер не улыбнулся. Он просто кивнул, словно они обсуждали погоду, и отложил перо.

— Разумно.

Он не стал тянуть. Через двадцать минут они уже ехали в его экипаже. Он не пытался развлекать её разговорами. Просто сидел рядом, массивный и спокойный, как скала, и этого молчания было достаточно, чтобы у неё перестало сводить живот от паники.

Эстер спала, свернувшись калачиком на кожаном сиденье. Ровный стук копыт и покачивание убаюкали её ещё в середине пути.

Он не стал её будить. Подхватил на руки — легко, словно она весила не больше пойманной птицы. Ткань его плаща, всё ещё накинутого на её плечи, зашуршала. Он вынес её из экипажа, кивнув кучеру.

Он просто шагнул в холл.

В холле их встретила Рина со свечой. Женщина лет сорока, с добрым, обветренным лицом и руками, которые явно знали тяжелую работу

— Рина, — Джестер кивнул в сторону Эстер. — Это госпожа Эстер. Теперь она здесь хозяйка. Твоя хозяйка. Позаботься о ней. Ванна, чистая одежда, ужин. Я не хочу, чтобы она упала в обморок от голода.

— Слушаюсь, господин, — Рина сделала идеальный книксен, но глаза её смотрели на Эстер с неприкрытой, тёплой жалостью.

Джестер поднялся по дубовой лестнице, стараясь не скрипеть старыми ступенями. Он нёс её бережно, обходя углы, и Эстер, не просыпаясь, лишь инстинктивно крепче вцепилась пальцами в его камзол, словно ища во сне точку опоры.

Он опустил её на покрывало. Она свернулась калачиком прямо в его плаще, подмяв его под себя, как детёныш зверя.

Джестер постоял над ней мгновение. Затем аккуратно, стараясь не потревожить, расстегнул пряжку плаща и стянул тяжёлую кожу с её плеч. Укрыл поверх своим собственным шерстяным пледом — тяжёлым и колючим, но невероятно тёплым.

— Я принесу грелку в ноги, — шепнула Рина из дверей.

— Не нужно, — так же тихо ответил Джестер. — Она согреется сама. Просто... приглядывай за ней.

Он вышел, бесшумно прикрыв дверь, и спустился в кабинет.

Эстер проснулась от запаха. Пахло лавандой, горячим паром и чем-то неуловимо пряным. Она лежала на кровати. Встав с нее она зашла в комнату, которая была рядом со спальней и увидела медную ванну, от которой шёл густой пар. На бортике, аккуратно сложенная, лежала стопка одежды — тёмная шерстяная юбка, простая льняная рубашка, чулки.

— Здравствуйте Эстер. Меня зовут Рина, теперь я ваша служанка. Это мои вещи, госпожа, — тихо сказала Рина, заглянув в приоткрытую дверь. — Мы с вами... одного сложения. Господин сказал, что ваши вещи остались там, в старом доме. Не побрезгуйте. Я всё выстирала с травами.

Эстер молча кивнула. Чужая одежда. Чужой дом. Она легла в ванну, закрыла глаза и погрузилась в воду с головой, пытаясь смыть не грязь, а само имя «Виллоу».

Утро встретило её запахом свежего хлеба и кофе.

Эстер спустилась в столовую. Джестер уже сидел за столом — в строгом тёмно-сером камзоле ведомства, с идеально завязанным шейным платком. Он пил кофе и просматривал бумаги. При её появлении он лишь поднял взгляд.

— Доброе утро, — сказал он буднично. — Рина сказала, ты спала как убитая. Это хорошо.

Он отложил бумаги и промокнул губы салфеткой.

— План на сегодня простой. Мы едем в Центральное Ведомство Регистраций. Там, в отделе гражданского состояния, нас распишут. Тихо. Без музыки и гостей. После этого ты официально — Эстер Уолш. Моя жена.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Затем я поеду на службу. У меня там... накопилось дел. А вы с Риной можете погулять. Купи себе что-нибудь. Платье, туфли, книгу. Всё, что захочешь. Деньги у неё. — Он кивнул в сторону двери, где стояла служанка. — Дом теперь твой. Осваивайся. К ужину я вернусь.

Центральное Ведомство Регистраций не было похоже на ратушу с пухлым священником. Это был гулкий, стерильный зал из чёрного мрамора и холодного металла.

Их принял Регистратор — человек без возраста, в очках с линзами из горного хрусталя. Он не смотрел на них как на людей. Он смотрел на них как на переменные в уравнении.

— Уолш. И... — он вопросительно поднял бровь, глядя на Эстер.

— Эстер, — подсказал Джестер. — Без фамилии.

Регистратор коснулся её виска прохладным, гладким камнем — верификатором. Эстер вздрогнула. Холодная магия скользнула по её мыслям, считывая ауру, отпечаток дара, отсутствие родовых меток.

— Целитель, — констатировал Регистратор, занося данные в светящийся свиток. — Потоки чистые. Родовая линия прервана. Чисто.

Джестер протянул свой перстень. Тот вспыхнул синим огнём, подтверждая его статус.

— Запрашиваю регистрацию брака. Цель: семейная.

Регистратор кивнул. Он взял со стола два кольца — простые, из тёмного титана, без камней.

— Левую руку.

Рука Джестера была тёплой и сухой. Когда их пальцы соприкоснулись, камень в центре зала вспыхнул ровным белым светом.

— Связь установлена, — монотонно произнёс Регистратор. — Метки нанесены.

Эстер почувствовала лёгкий укол под кожу у основания безымянного пальца. Не больно. Просто факт. Метка.

Джестер поднялся, но не ушёл сразу. Он шагнул к ней вплотную. В стерильном свете магических ламп его лицо казалось высеченным из камня, но глаза... глаза были живыми. Он протянул руку и, прежде чем она успела отстраниться, крепко, но бережно взял её под локоть, помогая сойти с невысокого постамента, на котором стоял камень регистрации.

— Осторожно, тут ступенька, — сказал он тихо, почти касаясь губами её уха. Его дыхание было тёплым.

Он задержал руку на её локте на секунду дольше, чем требовала вежливость, словно проверяя, не упадёт ли она. Затем он развернулся и пошёл к выходу из зала — широкими, стремительными шагами, оставляя её стоять посреди мрамора.

— Поздравляю, — сказал Регистратор, ставя печать на бумагу. — Вы женаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.